

Айзенманн Питер

140405

Ход от противного

Питер Айзенманн в венском МАК

Коммерсантъ. — 2005. — 14 апр. — с. 22

выставка архитектура

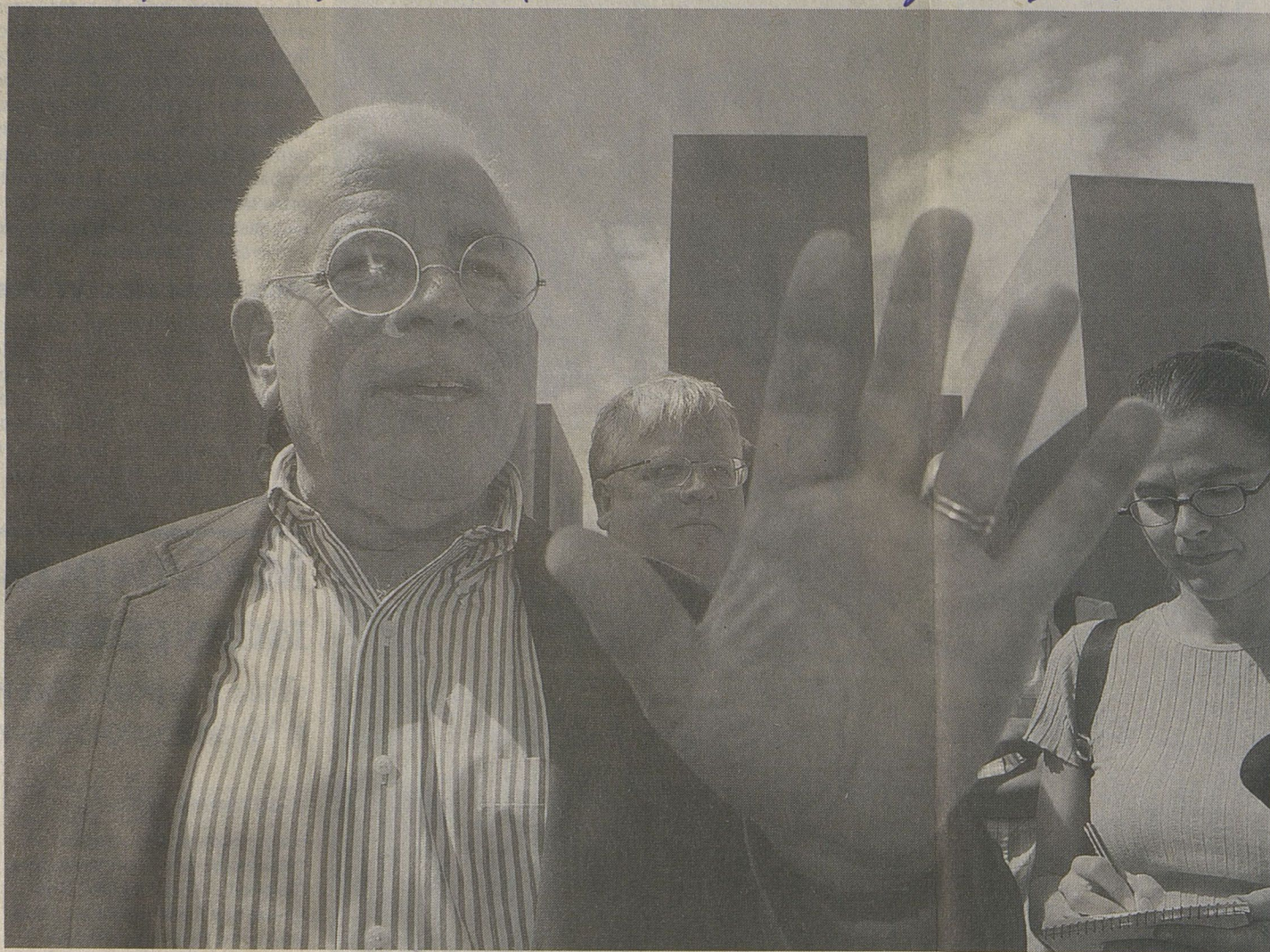
В Вене в Музее декоративно-прикладного искусства (МАК) открылась выставка одного из самых авторитетных современных архитекторов — Питера Айзенманна. На выставке побывал обозреватель „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Питер Айзенманн — это не просто звезда сегодняшней архитектуры. Это вдохновитель всех ее побед. Он придумал деконструкцию как направление, он же выпустил книгу своих бесед о деконструкции с великим французским философом Жаком Деррида. И хотя эти беседы на нормального человека производят впечатление умствований бесплодных, бессистемных и отличающихся безобразно заниженной нормой ясности, для людей посвященных они доказали, что деконструкция — это не просто так, формальные приемчики, а выражение в архитектуре сложнейших идей сегодняшнего философского миропонимания. Рем Колхас и Заха Хадид, Том Мейн и Грег Линн, да что там — все звезды сегодняшней архитектуры, кроме разве что Нормана Фостера и Массимилиано Фукса, считают себя его учениками или учениками его учеников.

Венский МАК — это не просто музей, где выставляются архитекторы. Это место, где выставляются самые главные архитекторы, доказывая, что они действительно самые главные. До Айзенманна здесь выставлялась Заха Хадид, еще раньше — Фрэнк Гери. МАК купил у Фрэнка Гери макет его собственного дома в Лос-Анджелесе за сумму, несколько превышающую стоимость самого дома. МАК — это архитектурный аналог Гугенхайма, поскольку сам Музей Гугенхайма как-то манкирует архитектурными выставками.

Ну вот, я шел на выставку самого главного сегодняшнего архитектора в самом главном музее мира и даже немного присел от почтения. А когда вошел, то и вовсе бы сел, если бы было на что.

На выставке не было ни одного человека. Даже смотрителей не было — они пришли потом, удивившись посетителю. Рос-

Питеру Айзенманну есть что сказать в архитектуре. Но показать нечего ФОТО REUTERS

кошный двусветный зал МАК с высотой потолков метров восемь был полностью зашит гипсокартоном на высоту два двадцать. В этом неприятном пространстве стояли 30 одинаковых белых гипсокартонных киосков размером три на три. В каждом из них вела маленькая дверка.

Я зашел в первый — в нем лежали две белые деревянные палочки, а на них под неприятным углом была положена одна красная палочка. Как учил нас Жак Деррида, введший понятие «la difference», почувствуйте разницу. В следующем киоске висела под потолком небольшая красная лестница в пять ступенек. Дальше встретился киоск с железной решеткой.

В некотором ужасе я забежал по этой выставке и в общем-то

не преуспел. Нет, там был один более зрелищный киоск, в котором висели плоскости из того же гипсокартона, и порядок их развески напоминал ленту Мебиуса, и еще один, в котором сварные металлические конструкции создавали неопределенный пространственный беспорядок, и на фоне всего остального это смотрелось сильно. Но только на фоне всего остального. В некоторых киосках висели визуальные материалы, например, айзенманновский анализ построения вилл Палладио. Надо полагать, что он представляет большой интерес для архитектора, потому что для историка архитектуры открыт Питером Айзенманном факт, что виллы Палладио на уровне плана представляют собой квадрат,

разделенный на девять других квадратов (как в игре в крестики-нолики), представляет собой чрезвычайно тривиальное знание, обязательное для любого студента. В трех киосках висели телевизоры. По ним Питер Айзенманн очень горячо что-то говорил, помогая себе активной жестикуляцией. Он то поднимал руки вверх, то опускал. Эффектно.

В общем после довольно долгого исследования вопроса замысел выставки стал более или менее понятен. В каждом из киосков располагался нарек. Например, построил в 1971 году Питер Айзенманн так называемый «Дом IV» (он, как Квентин Тарантино, называл тогда свои работы по номерам, то есть это Четвертый дом Питера Айзенман-

на). Там он применил принцип сложной пространственной решетки с произвольно изъятими кластерами. И вот павильон — в нем железная решетка. Или, скажем, есть у него дом Кадизе в Испании, один из первых деконструктивистских проектов, 1988 год. Там в плане один квадратик примерно на десять градусов сдвигается относительно другого квадратика. И вот метафора: одна палочка, на нее криво — вторая. Дальше знающий сам все поймет. Например, вот эти гипсокартонные плоскости, повешенные в форме ленты Мебиуса, — это его знаменитый проект Макс-Рейнхардт-Хаус в Берлине. А неприятная сварная конструкция — намек на его исследования Пиранези, которыми он занят последние пять лет.

Понимаете, это очень тонко. Это как бы пластическая метафора, выражающая суть архитектурного приема, найденного в каждой из его этапных работ. Питер Айзенманн прославился прежде всего лекциями и книгами, любимый его прием письма — это диаграмма, таблица, и здесь он этот принцип применил к самому себе, выстроив в музее своего рода пространственную диаграмму. И каждый из приемов заключен в стерильную операционную, в белый, наполненный светом пространственный сосуд, где он символически теперь будет пребывать навеки. То есть вот в этот самый киоск из гипсокартона.

Настоящий гуру. Вот уж кто не ищет дешевой популярности! То есть для того, кто не знает творчества Питера Айзенманна, понять на этой выставке просто ничего не возможно, для того, кто знает, но не очень любит, понимать нечего, потому что очень скучно, но зато для настоящих посвященных это просто храм. Даже не храм, а настоящий храмовый комплекс из 30 часовен. Зал для медитаций над сущностью пространственного приема.

А ведь интересно устроена современная архитектура, вы не находите? Нет, я понимаю, он очень говорливый. Риторически очень одаренный мастер. Но что бы человек, способный превратить фантастически выигранный в архитектурном отношении зал, где что ни выстави — все шедевр, в тупой подземный переход с киосками без товаров, чтобы художник, до такой степени пластически бездарный, стал непререкаемым авторитетом среди главных архитектурных звезд мира — это же значит, что мир как-то перевернулся. Хотя, с другой стороны, ведь с чего начинался авангард как принцип? С того, чтобы идти от противного. Но настоящий архитектурный философ не может просто идти от противного — он должен исследовать природу противного, ухватить и передать самую его пластическую сущность, архитектурное «Ничто». Питеру Айзенманну это удалось.